

Юноши хранили молчание, не зная, что и сказать, ведь это удовольствие превзошло все их ожидания. Юн Ци всё ещё был под действием лекарства, даже Юн Шань не мог предвидеть, что оно может оказаться таким сильным. Он, сам того не осознавая, не говорил ни слова и лишь настойчиво вспоминал моменты их счастья.

Спустя какое-то время Юн Ци пришёл в себя и наивно спросил:

— Мы вместе... это самое?

Юн Шань, поддавшись простодушию и невинности старшего брата, глупо заулыбался и со вздохом произнёс:

— Да, я и старший брат Юн Ци.

Юн Ци посмотрел на него и, словно испугавшись, внезапно проговорил:

— Ты плачешь?

— Чепуха, — слегка хохотнул Юн Шань, всё ещё улыбаясь. — Кто-нибудь хоть раз видел, чтобы я плакал? Это всё пот.

Юн Ци больше ничего не сказал.

Юн Шань крепко обнял своего брата и, поцеловав его ушко, проговорил:

— Хочешь ещё или нет? — Рука скользнула вниз, а сам юноша в глубине души уже трепетал.

Это лекарство было очень эффективным. От него член вновь начал наливаться кровью.

Почувствовав прикосновение Юн Шаня, Юн Ци засмутился и захотел отвернуться, но тот не позволил ему этого сделать. Держа Юн Ци в своих объятиях, Юн Шань вновь мягко прошептал ему на ушко:

— Тебе не больно?

— Нет... Нет, не нужно делать этого снова.

Юн Шаня не так-то просто было удовлетворить, и одного раза ему явно было недостаточно. Подумав, что он вновь его соблазняет, Юн Ци осторожно закрыл рот.

Внезапно Юн Шань уселся в кровати, откинул одеяло, взял ноги Юн Ци и аккуратно развёл их в стороны, проверяя. Горячее белое семя медленно вытекало из дырочки, отчего внутренняя сторона бёдер стала липкой и выглядела неопишимо развратно.

Цвет самой же дырочки был ярко-розовым, и было видно, что она уже слегка припухла.

Увидев, что Юн Шань внезапно развёл его бёдра в стороны, Юн Ци испуганно спросил:

— Юн Шань, что ты собираешься сделать?

Пока Юн Ци не стал отчаянно сопротивляться, Юн Шань отпустил его ноги и, позволяя ему тихо лежать на спине, мягко проговорил:

— Старший брат, ты там такой нежный, нужно, чтобы ты постепенно привык, и тогда всё будет хорошо. А если я буду вновь и вновь брать тебя, то завтра тебе будет больно ходить. Если ты всё ещё хочешь, то я могу с помощью рта медленно и неспеша помочь тебе разрядиться.

Не дожидаясь ответа Юн Ци, Юн Шань припал к члену и, взяв его в рот, начал очень осторожно посасывать, насаживаясь на всю его длину.

Сначала Юн Ци посчитал, что его младший брат захочет пойти напролом. Но внезапно осознав, что ошибся в своих предположениях, юноша почувствовал жар между ног, и его вновь охватила волна сладкого наслаждения.

Неизвестно по какой причине, лёжа в кровати, Юн Ци совершенно не мог пошевелиться, будто из него вытащили позвоночник. Единственное, чего он хотел — громко расплакаться.

И юноша также не мог сказать, почему ему захотелось плакать.

В итоге он не смог и этого сделать. Всё, что ему оставалось — беззвучно проливать слёзы и в то же время тяжело дышать, вздрагивая от нежных ласк Юн Шаня, который осторожно посасывал его достоинство.

Юн Шань, будто почувствовав настроение Юн Ци, поднял голову и, приблизившись к юноше, спросил:

— Почему ты плачешь? Тебе неприятно? Я причинил тебе боль?

С несчастным видом Юн Ци покачал головой.

Он посмотрел на Юн Шаня и, тихо вздохнув, едва разборчиво прошептал:

— Ты никогда не был злым человеком, почему я только сегодня об этом узнал?

Все те горькие страдания, с которыми постоянно боролся Юн Шань, от одних лишь слов Юн Ци неожиданно вырвались наружу. Взгляд юноши потеплел, и горячие слёзы почти сразу же обожгли кожу.

— Любимый старший брат, я плохой, и я знаю, что жестоко обращался с тобой. — Юн Шань крепко обнял Юн Ци за шею, словно ребёнок, отказываясь отпустить его, и, слегка стиснув зубы, проговорил: — Старший брат, ты так редко думаешь обо мне, но и этого мне вполне достаточно. Если ты когда-нибудь прикажешь мне отдать тебе свою жизнь, я тотчас же это сделаю.

В ту же ночь все самые заветные желания Юн Шаня сбылись.

Он не знал, вечер сейчас или уже ночь, занавески в комнате были плотно закрыты, и невозможно было увидеть, что происходит за окном. Однако Юн Шань мог представить сам пейзаж и то, как медленно уходит время, как тёплое солнце тихо краснеет, а его лучи беззвучно движутся к закату, который медленно гаснет, исчезая в нежном сумраке ночи.

И каждый миг уходящего дня Юн Шань проводил здесь, в полумрачной комнате, в мягкой постели и с любимым всей душой и сердцем старшим братом, даря тому сладостные ласки, о которых он никогда уже не забудет.

Незаметно для себя Юн Шань заснул крепким сном. Юноша был таким счастливым и лишь хотел дорожить каждым мигом, каждым мгновением, проведённым рядом с Юн Ци. Но, вопреки его желаниям, сон одолел Юн Шаня.

Юноша по привычке проснулся за час до рассвета.

Внезапно очнувшись от сна, Юн Шань опустил голову, и его оторопелый взгляд мгновенно наполнился спокойствием и теплом.

Юн Ци, всё ещё лежавший в его объятиях совершенно обнажённым, спал крепким и беспробудным сном.

Его невинное гладкое тело слегка подрагивало во сне, словно он чего-то боялся, и в то же время юноша крепко прижимался к груди Юн Шаня.

Подушка уже давно где-то затерялась.

Чем больше Юн Шань смотрел на старшего брата, тем больше его душа наполнялась теплом и любовью, заставляя юношу вновь вспыхнуть. Юн Шань вытянул руку и, слегка коснувшись, нежно погладил Юн Ци. Но тот никак не отреагировал на это прикосновение, он был

совершенно незащищенным, даже его густые ресницы не дрогнули.

Такой беспечный.

У Юн Шаня рука не поднялась будить его. Слегка вздохнув, Юн Шань всё время повторял себе, что ему, как наследному принцу, не хватает сдержанности, раз он так легко теряет своё самообладание.

Он не хотел выпускать из объятий такого сладко спящего Юн Ци и, стиснув зубы, юноша терпел, всем сердцем приказывая себе не думать о безудержном желании приласкать любимого. Прошло меньше получаса, но любовная страсть, вопреки его ожиданиям, никак не отпускала его, скапливаясь внизу и ещё сильнее возбуждая юношу. Юн Шань, злясь на себя, улыбнулся. Безжалостно подавив свои непокорные желания, юноша, крепко прижав Юн Ци к груди, тихо обернулся по сторонам в поисках подушки. Наконец найдя пропашу, юноша придвинул её ближе и положил под голову Юн Ци, позволяя тому хорошенько выспаться.

Осторожно приподняв одеяло, Юн Шань также тихо встал с постели.

Он поспешно накинул халат. Заметив, что никто из слуг не торопится поухаживать за ним, юноша улыбнулся, вспомнив, как вчера лично приказал никому не входить и не тревожить их. Юн Шань открыл дверь, вышел из комнаты и, осторожно закрыв её, напрямик направился в другие боковые покои. Позвав слуг, юноша приказал им наполнить водой огромную бочку, чтобы он смог принять утреннюю ванну.

Придворные были немного обескуражены, ведь бочку они использовали для омовения только летом, а зимой все господа принимали ванну в большом и тёплом чане для купания. Чан Дэфу рядом не было, поэтому откуда слугам было знать, чего хочет Юн Шань. Услышав приказ, они, невежественные, застыли в нерешительности.

Юн Шань начал ругаться:

— Тупицы, такое простое дело сбивает вас с толку? Я сейчас очень зол, так что быстро идите исполнять приказ.

Несмотря на его юный возраст, в Юн Шане чувствовались величие и мощь. Стоило ему слегка повысить голос, как придворные слуги тотчас же задрожали от страха и быстро выскочили наружу. Не прошло и минуты, как они в спешке втащили чистую деревянную бочку и поставили её надлежащим образом.

Придворные девицы, стоя друг за другом, передавали в вёдрах горячую воду, заполняя эту бочку.

Через мгновение пожелание Юн Шаня было исполнено.

Проверив воду, наследный принц оказался недоволен. Подозвав слуг, он приказал добавить холодной воды. Как только вода стала прохладной, юноша залез в неё и начал мыться.

Помывшись в прохладной, почти холодной воде, Юн Шань дрожал от холода, однако гнев, что до этого был в его душе, бесследно исчез.

В приподнятом и бодром настроении Юн Шань вышел из боковой комнаты и услышал во дворце голос Чан Дэфу, который отдавал приказы слугам Его Высочества, заставляя тех работать.

— Чан Дэфу, — подозвал к себе Юн Шань.

Стоило лишь его позвать, как Чан Дэфу уже был возле Юн Шаня. Тотчас же поприветствовав Его Высочество, мужчина улыбнулся и проговорил:

— Ваше Высочество уже проснулись? У Вас лицо светится счастьем, значит, спали сладко.

Юн Шань слегка улыбнулся и позволил слуге проследовать за ним в кабинет. Подойдя к столу, юноша вытащил белый нефрит идеальной формы и, протянув его слуге, сказал:

— Бери, это твоя награда. Послушай меня внимательно: если хоть одно слово сорвётся с твоих губ и его услышит Юн Ци, то сразу, не дожидаясь моего приговора, возьмёшь кинжал и отрежешь себе язык, а после найдёшь укромное место, где сможешь повеситься. Ты меня понял?

Взяв обеими руками свою тяжёлую награду, Чан Дэфу медленно поклонился и проговорил:

— Понял, Ваш слуга всё понял. Ваш слуга будет осторожен, будет лично смачивать палочки для еды, нет, нет, позаботится о чае для Его Высочества Юн Ци. Даже если Ваш слуга будет хромать, то всё равно заварит чай, и хоть ползком, но сам подаст Его Высочеству Юн Ци.

— Есть ещё на будущее? — Юн Шань смерил мужчину холодным взглядом. — Сколько лекарства ты добавил в чай вчера вечером? Если бы не твои заслуги, то я бы давно отрезал тебе ноги. Ты сейчас же отдашь лекарство мне. Если мой старший брат хоть немного почувствует себя плохо, я возьму тебя под стражу и срежу мясо с твоих костей.

Чан Дэфу уже достаточно давно прислуживал Юн Шаню и был в состоянии понять его настроение по выражению лица. Несмотря на холодный тон наследного принца, его глаза были полны весенней теплоты. Заметив это, мужчина сразу понял, что вчера вечером юноша наверняка сполна наслаждался ласками и любовью. Нисколько не испугавшись угроз Его Высочества, Чан Дэфу поспешно поклонился и с улыбкой на лице проговорил:

— Это всё вина Вашего слуги. Ваш слуга больше никогда и ни за что не осмелится так

бесцеремонно обращаться с Его Высочеством Юн Ци.

Строго посмотрев на мужчину, Юн Шань вскоре не выдержал и тоже прыснул со смеху. Махнув рукой, юноша приказал:

— Можешь идти, у меня нет сил спорить с тобой. Иди и передай мой приказ: пускай никто не входит в комнату и не тревожит сон Юн Ци. Отправься на кухню и скажи, чтобы приготовили что-нибудь вкусное. Моё основное пожелание — еда должна быть питательной и полезной для здоровья. Прикажи приготовить что-нибудь из молодых оленьих рогов [1], которые в прошлый раз привезли в качестве подношения.

— Слушаюсь-слушаюсь. Ваш слуга сейчас же отправится выполнять приказ Вашего Высочества. Даже если нам придётся отбирать и вытаскивать из них полезные свойства, мы всё равно их приготовим. Не беспокойтесь, Ваше Высочество, Ваш слуга всё понял. И как тут можно не понять? — Улыбаясь, Чан Дэфу учтиво поклонился и ловко улизнул из комнаты, не оставив и тени.

Глядя ему вслед, Юн Шань вновь растянул губы в улыбке.

Сегодня без всякого повода на лице Юн Шаня самопроизвольно расцветала улыбка. Юноша предполагал, что из-за прошлой бурной ночи Юн Ци слишком вымотался и будет спать до полудня. Если Юн Шань пойдёт к нему в комнату, то, возможно, не сможет контролировать себя и, поддавшись искушению, вновь станет приставать, тревожа сон любимого старшего брата. Вместо этого юноша решил, что будет лучше, если он сначала закончит все важные дела, а когда Юн Ци проснётся, то тогда его вновь можно побаловать ласками.

С трудом успокоившись, Юн Шань сел за письменный стол и, отыскав докладные записки, которые принесли перед рассветом, раскрыл их.

В них провинциальные чиновники приветствовали его и спрашивали о здоровье. На столе были не только повседневные докладные, в которых говорилось о погоде и сезоне урожая, но ещё там было два письма от чиновников из столицы Цзинли. И, вопреки его ожиданиям, эти два письма касались Гун Ухуэя.

В одном из писем чиновник, не щадя жизни, защищал Гун Ухуэя, а во втором письме — другой чиновник, с точностью до наоборот, роняя слёзы, настойчиво умолял императора наказать Гун Ухуэя по всей строгости закона.

Юн Шань поморщил брови и, отбросив все докладные в сторону, взял эти два письма, чтобы как следует их изучить. Но внезапно на пороге появился Юн Линь. Войдя в кабинет, юноша подбежал к старшему брату и обеспокоенно затараторил:

— Старший брат Юн Шань, скорее переодевайся! Матушка узнала, что отец-император болен и на этот раз, кажется, очень серьёзно. Старший брат должен срочно отправляться к отцу-

императору и справиться о его здоровье. Я тоже иду вместе с тобой.

Юн Шань слегка изменился в лице и поспешно поднялся на ноги.

Примечание:

[1] В восточных традиционных системах врачевания (Китай, Корея) панты — молодые рога оленя — широко используются для сохранения силы и молодости, они находятся на самой вершине применяемых снадобий и сравнимы только с женьшенем.

<http://bllate.org/book/13372/1189576>